

БЕЗ КОТУРНОВ

Полет над пространством

Общая газ. - 1995, - 2-8 изд. - с. 11.

умолчания

Петербургец **Валерий ПОПОВ** — единственный оптимист в современной российской прозе. Его книги «Нормальный ход», «Жизнь удалась», «Две поездки в Москву», «Будни гарема» — это длящееся уже более двадцати лет признание автора в любви к жизни, к женщине, к творчеству, к судьбе.

Когда я пошел в армию, то попал в Ленинград и там познакомился с Валерием Поповым. Стал ходить к нему якобы ради диплома о ленинградской прозе, но главным образом меня привлекала возможность среди армейской жизни общаться с любимыми людьми. Кроме того, поповская философия счастья, давно разошедшаяся на цитаты и поговорки, меня всегда укрепляла. Но не за эту философию, думаю я, любят Попова тысячи преданных поповцев. Они его любят за точность попадания. Эта точность утешительна сама по себе (то есть как бы ты не один такой). А философия оптимизма, радости и всевозможных блаженств в основании своем прячет трагедию, обостренное знание о мире и невозможность вынести его в настоящем его виде. Надо как-нибудь преобразовывать.

— Или вешаться, или гротеск, — сказал однажды Попов.

— Валерий Георгиевич, последнее интервью я делал с вами шесть лет назад. У меня такое чувство, что за это время мир перевернулся. А что изменилось для вас?

— Ну... главное впечатление — что миражи остались миражами, муляжи — муляжами. Все эти страхи — муляж голода, муляж бунта, всеобщая катастрофа. Ничего не произошло. Как жили, так и живем, пьем, а нищета все не наступает.

— Вы сказали недавно, что «Любовь тигра» — последняя ваша серьезная книга. Как это понимать?

— Сейчас писать всерьез уже ни о чем нельзя. То есть можно серьезное содержание вкладывать в игровую форму — это пожалуйста! Прозу сегодня никто читать не будет. Надо пробраться в массовый жанр и изнутри его собой наполнить. Я скорее уж буду в массовой литературе работать, чем играть в интеллектуала. Вот это я особенно не люблю — когда человек просто не может написать интересно, а делает вид, что это он умный такой. Хотя в этом жанре, несомненно, есть свои гении. Гениальные продюсеры самих себя.

— Наше поколение считало вас одним из самых эротических писателей семидесятых.

— Да, секс — это столб, стержень всего. Я и в «Буднях гарема» горжусь несколькими кусками на эту тему — например, про то, как еж глотает змею... Хотя кто знает, что на самом деле эротичнее любого стриптиза... А вот Генри Миллера я прочел — мне сказали, что откровенней этого уже ничего не может быть вообще! А у меня такое чувство, что он пишет про это как-то зло, словно мстит кому-то. По обязанности, без всякого счастья и удовольствия. Совсем не возбуждает.

После «Будней» я написал совсем уж эротический роман «Разбойница». Ничего менее пристойного не писал в жизни. Книга выходит в «Вагриусе». И вот я думаю: что же может быть дальше секса?

— Только смерть.

— Правильно: только смерть. Например, Довлатов — он ведь слабее Аксенова писатель. Но он сделал гениальный ход — умер рано. Это ход, который можно приравнять к литературному шедевр. А мы с Аксеновым крепкие, казанские, мы умереть никак не можем и не хотим. И

то, что Аксенов сегодня делает, мне читать неинтересно, хотя он талантливее меня. «Победа» — один из лучших рассказов, которые я читал в жизни.

А о смерти я пишу сейчас роман «Лучший из худших». Там герой — физик, который пытается приспособить для конкретных дел ту скорость, с которой душа вылетает из тела. Она ведь с огромной скоростью вылетает!

— Но вы, насколько я помню, никогда не верили в бессмертие души.

— Я и сейчас не верю. Но меня это привлекает как сюжетная возможность.

— Ваш творческий метод, столь узнаваемый, не изменился от перехода в массовую литературу?

— Я пишу по-прежнему, и главный мой принцип — нельзя просто сесть и писать все как было. Нельзя давать поток сознания. Проза должна быть с сожженными мостиками: фрагмент — прыжок — фрагмент. Вот Искандер говорил, что в детстве для него наслаждением было перепрыгивать бурлящий поток с камня на камень. Проза, по-моему, должна быть такая. Для читателя главное удовольствие — это лететь из эпизода в эпизод, пролетая через некоторое пространство умолчания. Говорят, что в кино главное — монтаж. А я считаю, что он и в прозе главный.

И, конечно, — всякие словечки, фразы. Ими проза набивается, как сайка изюмом. Может быть, я весь «Остров Рай» написал ради одной фразы — «Она высмеяла в песке ямку».

— Вы сказали о кино. Когда-то вашими любимыми фильмами были «Рим» Феллини и «Цвет граната» Параджанова...

— «Цвет граната» для меня несколько увял. А «Рим» я по-прежнему люблю, в особенности эпизод с автомобильной пробкой, вот где они все едут и гуляют. Поздний Феллини — это уже распад. «Город женщин», например, — полный провал... «И корабль плывет» — хорошая картина, хотя старость чувствуется и в ней. Но для нас Феллини всегда останется любимцем, потому что это был первый гений, которому за гениальность платили.

Из фильмов последнего времени мне нравится «Особенности национальной охоты» Рогожкина. Очень смешно.

— Кто ваши литературные друзья?

— Люблю Кабакова, который и принес рукопись «Будней гарема» в «Вагриус», когда я испытывал уже полную безнадежность относительно ее судьбы. Мне нравится, как пишет Мелихов, хотя его метод резко отличается от моего. Замечательный Веллер. Я давно дружу с Александром Житинским, мне нравится его проза, но она облегченная. «Лестница» блестяще придумана, но недогружена.

— Раз уж вы перешли в массовую прозу, перейдем на бульварную журналистику: кто ваша семья?

— Я женился в двадцать три года и женат до сих пор. Дочка Настя, ей двадцать восемь лет.

— А собственная ваша философия счастья вам еще помогает?

— Помогает главное в ней: что мир преодолевается, приручается, обучивается словом. Мы — люди уюта.

— Когда с вами говоришь, не можешь отделаться от впечатления, что общение вас тяготит. Что вы часто отвечаете машинально...

— Нет, что вы. Просто я когда разговариваю с человеком, всегда при этом думаю, как бы его использовать в прозе. Слушаю и думаю, куда я его вставлю. Это работа довольно напряженная и, главное, непрекращающаяся.